

DOI: 10.15372/HSS20160316
УДК 821.161.1; 398.32

О.Д. ЖУРАВЕЛЬ

НАРОДНО-УТОПИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ В ПАМЯТНИКЕ СОВРЕМЕННОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Ольга Дмитриевна Журавель,
д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
доцент,
Новосибирский государственный университет,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1
e-mail: helgazhuravel@gmail.com

В центре внимания автора статьи – рецепция утопических легенд (в частности, легенды о Китеже) в «Урало-Сибирском патерике» – старообрядческом историко-агиографическом сочинении (1940–1990-е гг.). Показано, что современные нарративы об исчезнувших святых местах, основанные на устном предании, связаны с архаическими народно-христианскими эсхатологическими и утопическими представлениями и сохраняют особенности мифологических текстов. Некоторые сюжеты позволяют проследить связь между ранневизантийской, древнерусской и ранней старообрядческой традициями утопии. Одним из ближайших контекстов таких легенд в «Урало-Сибирском патерике» являются сюжеты из древнерусских сборников. Выявлена роль народно-утопических легенд в формировании историософской концепции старообрядцев-часовенных.

Ключевые слова: старообрядчество, Урало-Сибирский патерик, утопия, легенда о Китеже, народная религиозность, фольклор.

O.D. ZHURAVEL

FOLK UTOPIAN LEGENDS IN THE CONTEMPORARY LITERATURE OF OLD BELIEVERS

Olga D. Zhuravel,
Doctor of Philology, Leading Researcher,
Institute of History, SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia
Associate Professor,
Novosibirsk State University,
1, Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: helgazhuravel@gmail.com

This article is focused on the reception of the utopian legends, particularly the legend of Kitezh, in the Ural-Siberian Paterik (historical and hagiographical work of Old Believers, created in the 1940-1990s in some taiga sketes of the Urals and Siberia). The legends about the vanished holy places are based on the stories of eye-witnesses capturing historical realities. In particular, these narratives reflect the theme of repressions of the authorities against the Old Belief. Several story lines in the Ural-Siberian Paterik allow to trace the links between the Early Byzantine, Old Russian and Early Old Belief traditions of utopias.

These legends are interpreted by local scribes from the perspective of medieval literature. The stories from the Old Russian manuscripts are the nearest context for the legends in the Ural-Siberian Paterik. It is shown that the legend of Kitezh, its archaic prototypes, as well as its secondary Old Belief versions preserving the “trace” of this legend represent the successive elements of the same lineage. This most recent monument of the traditional book culture reflects all basic motives of the Kitezh legend. Story lines from the Ural-Siberian Paterik are typologically close to the legend of Kitezh and represent a particular case of the Old Believers Utopia. The author considers this Utopia as a manifestation of mythopoetic thought; shows that the Old Believers Utopia represents the popular perception of the Christian Ideal.

*Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ № НШ-219.2014.6 «Археографические и источниковедческие исследования: политические и религиозные идеи в памятниках русской истории и литературы XVI–XXI вв.».

This perception is inseparably linked with eschatological beliefs (particularly with the doctrine of salvation in «the end times») and with a complex of traditional mythologemes and archetypal concepts which are inherent to the national popular and religious culture.

It is also necessary to take into account the links between the Old Belief and the main directions of Russian history, with utopian ideas being in the core of the public mind in Russia. The author identifies the function of social utopian legends in the contemporary Old Believer's spiritual culture. It relates to the idea that holy places hidden by the God from the outside world and exposed only to the righteous men ensure the genuineness of the confession. The author shows that Utopia based on a mythopoetic consciousness serves as a breeding ground providing unity and continuity of the traditional culture of Old Belief. The unique monument of the popular book culture recently discovered by the Siberian archaeographers has been analyzed as a main source of information. Some works of Old Believers have been analyzed for the first time.

Key words: Old Believers, Ural-Siberian Paterik, Utopia, legend of Kitezh, popular Orthodoxy, folklore

Последние десятилетия XX в. и начало нынешнего ознаменовались высоким интересом исследователей к утопиям и утопическому сознанию [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8], что в немалой степени обусловлено кризисом глобальных социально-политических утопических проектов [9, с. 18–20]. Наряду с «интеллектуальными» утопиями с 1960-х гг. началось изучение народного утопизма [8, 9, 10, 11]. К.В. Чистов, открывший феномен русской народной утопии, не раз писал о связи легенд, основанных на поисках блаженных земель, «земного рая», с движением староверия. Особенно это подчеркнуто во втором, дополненном издании его классической монографии «Русская народная утопия», где публикуются списки «Путешественника» – рукописного памятника, бытовавшего прежде всего в старообрядческой среде бегунов-странников [9, с. 399–426]. Само движение бегунов К.В. Чистов называет «анархической утопией с религиозной окраской» (9, с. 281). Изучение сочинений странников, предпринятое А.И. Мальцевым [12, 13, с. 436–478], позволяет судить о том, что уход от мира и поиски мест спасения закономерно следовали из программы этого самого радикального согласия староверов с ее ярко выраженной эсхатологической и эскапистской составляющей. Впрочем, открытия и находки российских археографов, расширяющие представление о рукописном наследии самых традиционалистских слоев русского населения, подтверждают слова Г. Флоровского, высказанные в начале XX в., о том, что все движение старообрядчества по большому счету можно назвать социально-апокалиптической утопией [14, с. 67–68].

Так, изучение литературной культуры Выга позволило достаточно полно реконструировать основные черты утопической концепции основателей самого крупного старообрядческого центра, процветавшего на протяжении почти полутора столетий (с начала XVIII до середины XIX в.), провести связи теократической утопии староверов Поморья с древнерусскими традициями [15, с. 167–242]. В демократических кругах старообрядчества была популярна легенда о Беловодье, а самая известная в русской культуре Китежская легенда впервые была записана старообрядцами [16, с. 23–41]. Недавно обнаруженные сибирскими археографами памятники литературы староверов-часовенных свидетельствуют о том, что народная утопия в этой среде продолжала развиваться и в конце XX в. В настоящей статье обратимся к нескольким сюжетам Урало-Сибирского патерика, преемственно

связанным с архаическим представлением об исчезающих святых местах и наиболее известным по Китежской легенде.

Урало-Сибирский патерик – трехтомный рукописный историко-агиографический труд, созданный книжниками самого распространенного на востоке России согласия часовенных в 1940-х–начале 1990-х гг. [17, 18]. В конце прошлого столетия он был открыт Н.Н. Покровским и Н.Д. Зольниковой [19, с. 314–394]. Памятник является уникальным источником по изучению не только идеологии и истории старообрядчества, но и народной духовной культуры. Среди его источников – произведения ранневизантийской и древнерусской книжности, историческая и научно-популярная литература, а также рассказы, основанные на устном предании, – легенды, слухи, былички и бывальщины.

Несколько сюжетов Урало-Сибирского патерика позволяют проследить связь между ранневизантийской, древнерусской и ранней старообрядческой традицией утопии. Легенда о Китеже, ее архаические прототипы (византийские патериковые и проложные легенды о святых «сокровенных» местах), а также вторичные старообрядческие версии, хранящие «след» этой легенды, образуют преемственную линию. Основное ее назначение – формирование и закрепление представления о том, что наличие мест, «покрываемых» Богом от внешнего мира и открытых только праведникам, – залог истинности вероучения и, соответственно, спасения в «последние времена». Эти места существуют в особом, по сути параллельном, мире – в этом отличие данных сюжетов как от поисков «земного рая» (древнерусский апокриф «Хождение Агапия в рай»), так и от легенды о Беловодье и прочих «далеких землях» [9, с. 276–356], хотя соприкосновение, определенная интерференция данных сюжетов могут иметь место (типология данных сюжетов еще ждет своего изучения).

Отметим ключевые мотивы Китежской легенды. Как известно, ее ранняя версия представлена двумя взаимосвязанными памятниками, – «Книга глаголемая летописец» и «Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже» [20, с. 169–183]. Списки в составе старообрядческого сборника датируются XVIII в., а их протографы восходят в XVII в. [20, с. 481]. В их основу легли подлинные события, связанные с разорением при князе Георгии Всеволодовиче (XIII в.) Большого и Малого Китежа (Городца) [20, с. 481]. Святость благочестивого города, ушедшего на дно озера, и святость

князя – основные темы сказания. Исчезновение Китежа – результат нападения врагов: в лето 6747 (1239) «... грѣх ради наших прииде на Русь воевати нечестивый и безбожный царь Батый. И разоряше грады и огнем пожигаше, церкви Божия также разоряше и огнем пожигаше же. Людей же мечю предаваше, а младых дѣтей ножем закалаше, младых дѣв блудом оскверняше. И бысть плач велий» [20, с. 174]. Логика сюжета обусловлена эсхатологическим финалом истории: «И не видим будет Болший Китежь даже и до пришествия Христова, якоже и в прежняя времена бысть сия, якоже свидѣтельствуот жития святых отец ... и въ тѣх монастырех много множество бысть святых отец, яко звѣзд небесных просияв житием своим ... И такоже убо в послѣднее время будет сие: грады и монастыри сокровенныя будут, якоже антихрист царствовати начнет в мирѣ» [20, с. 174–176].

В «Повести и взыскании о граде сокровенном Китеже» указывается на возможность войти в этот град и, соответственно, спастись: «Аще ли же который человек общается истинно итти в него, а не ложно и от усердия своего постигится начнет, и многи слезы пролиет ... вѣждь, яко спасет Бог таковаго» [20, с. 178]. Предупреждается в Повести и о надлежащей осторожности: «И хотящему итти в таковое мѣсто святое никакова помысла не имѣти лукава, и развращенна, и мятущего ум, и отводящаго в мѣста оного мысли человека того хотящаго итти. Но убо велии блюдиша опасно мыслей злых, хотящих разлучити от мѣста того» [20, с. 180]. В противном случае «аще ли же пойдет и мыслити начнет, славити вездѣ, и таковому закрывает Господь. И покажется ему лѣсом и пустыем мѣстом» [20, с. 180].

Все обозначенные здесь мотивы: святое место – исчезновение места вследствие опасности – соединение с местом истинно верующих в «последние времена» – узнаются в легендах Урало-Сибирского патерика [17, с. 61–62; 18, с. 66–70]¹. Они оформлены в памятнике как чудеса, а следовательно, в соответствии с общим замыслом патерика, должны способствовать «утвержению» веры [17, с. 10]. В полном соответствии и с жанровым каноном чудес, и с требованиями фольклорных фабулатов указываются свидетели и рассказчики, чудо строго документируется. Так, редактор пишет, что сюжет «О сокровенных святых старцах» поведал ему отец Максим, а тому в юности – «две некия жены». Точно указано место: близ деревни Маракуши Пермской области, и время – «Быша же сѣм во время германскіа войны, наченшіася въ лето 7422 (1914)» [18, с. 66]². Рассказ матушки Веры о святых старцах в ските принадлежит Александру Григорьевичу, услышавшему его от тестя Филиппа, тот – от своего

деда Иоанна Гридина [17, с. 61]. Целый цикл о местах, «закрываемых» Богом, принадлежит матери Македонии – писательнице, славившейся своей начитанностью в древнерусской литературе, также корректно ссылающейся на все источники, в том числе книжные. А легенду «О слышании пения и звона церковнаго» со слов свидетельницы Раисы записал Афанасий Мурачев – последний редактор патерика.

Данный сюжет отразил наиболее современные события, датированные 7466 (1958) г., и представляет особый интерес как поздний отзвук Китежской легенды, адаптированной к старообрядческим реалиям. Участницы – некто Анна Константиновна и ее 13-летняя дочь. Место происшествия – вблизи с. Тасеево Красноярского края. Повествуется о том, как они, собирая в лесу живицу, стали свидетельницами чуда: «въ начале своей работы каждѣю сѣботѣ въ полѣдни слышалася имѣ обоим ц[е]рковный колокольный звонѣ». Редактор, Афанасий Мурачев, при описании этого звона (устойчивый мотив китежской легенды) не поспешил на стилистические средства: «И какъ бѣдыто где-то вдали звѣчашій, ѿ котораго глѣзь раздавалася по лесной тишине, глѣбоко и тревожно печатлелася въ уме, ѿ котораго легко можно было взятъса мыслію и поточить слезы ч[е]л[ове]кѣ, скитающемѣса въ лесѣ» [18, с. 69–70]. Рассказ драматизирован, в него внесен диалог – разговор матери с дочерью, обсуждающих это явление, и местной жительницы Раисы. Сомнения матери («то ли звонѣ ц[е]рковный или глѣдокъ заводской?») рассеялись после ответа дочки: «Нетѣ, мама, не глѣдокъ, ето какъ у насѣ въ Китае въ Хантахезе колоколѣ звенелѣ, и здесь так же» [18, с. 70] (видимо, семья Анны затронула участь старообрядцев, мигрировавших в Китай и вернувшихся на родину).

Эта историческая деталь – не единственная в рассказе. То, что они услышали от местной жительницы Раисы об источнике звона, является легендарным отражением трагических событий, связанных с преследованием старообрядчества. Рая рассказала, что «здесь недалеко есть свѣтлый ключь, и на нем жили люди, Б[о]гѣ молились. У них была часовна и еще дрѣгаа хоромина, и у них былѣ скотѣ, пашни и покосы. А потом етихъ людей всех побили, а часовню со всеми людми сожгли. И вотѣ с тех порѣ на том месте стали полѣчатъса разныа удивленіа. То звонѣ ц[е]рковный, то пеніе слышитса, а то свѣщи горѣт, и многіе дрѣгое многое повѣствѣют», «поют «Аллилуіа» и прочіа молитвы» [18, с. 70]. Ни Раиса, ни редактор рассказа не смогли уточнить, «от кого ети люди пострадали и когда», но рассказ этот отразил типичную ситуацию. Судя по всему, речь идет о разорении старообрядческих скитов, – явлении не редком и в царской, и в советской России. Рассказ о нападении войск НКВД на Дубческие скиты в 1951 г., уничтожении книг, избияниях и арестах старцев содержится и в Урало-Сибирском патерике [19, с. 337]. Святое место, нападение врагов, исчезновение места и обнаружение его через колокольный звон и пение – это яркие приметы Китежской легенды.

¹ Эти сюжеты привлекали внимание Н.Н. Покровского [21, с. 568–572; 22, с. 154–158], однако специального анализа не проводилось.

² Здесь и далее цитирую памятник по научной публикации [17, 18], где сохранены орфографические и графические особенности рукописи.

Интересно, что в начале XX в. М. Пришвин, автор рассказа «У стен града Невидимого (Светлое озеро)», записал со слов местной жительницы, «древней старухи Татьяны Горней», подобные сведения: «Старуха древняя, не раз слышала звон колоколов из города праведников, а главное, знает, где сохраняется «летопость» о граде Китеже» [23, с. 427]. «Жизнь свою прожила тут, возле торфяного болота, видела огни, слышала звон, но сказать не хочет об этом. Пытаю — молчит, темная, торфяная старуха» [23, с. 428]. Нежелание жительницы Светлояра рассказывать легко объяснимо: вспомним о запретах «Повести и взыскания о граде сокровенном Китеже»: «Аще ли же пойдет ... славити вездѣ, и таковому закрыет Господь». Наверное, нечто подобное произошло и с персонажами рассказа из Урало-Сибирского патерика. После расспросов у Раисы, вызванных скорее праздным любопытством, нежели «взысканием града», они перестали слышать колокольный звон: «Какъ ѿ объѣснилась Рае, съ тех поръ больше ни разъ не слыхивали звонъ и даже пожалела, что лишилась слышанїѧ» [18, с. 70].

Во всех сюжетах патерика упоминается, что именно Бог скрывает (укрывает) места. «От Бога покрываемы бяху», «без сомнения благодать Божия кроет боящихся его», — пишет матушка Македония, приводя примеры и из древнерусской литературы, и из устной традиции. Рассказ, услышанный ею, когда она еще «бых дитя», о «москвичих», спасенных во время бури по молитве старообрядцев, дополняется литературными примерами. После молитвы путники оказались на чудесном острове, куда они не менее чудесным образом сумели взойти («зане невозходно»). «Они шли и дошли до населенїѧ, ꙗкобы малъ градокъ, а люди тѣтъ до единого вси хр[и]стїѧне», «иноки в мантиях» их накормили, «хлеба надавали и путь указали», а когда позже спасенные пытались вновь попасть на остров, чтобы отблагодарить, найти никого не смогли [18, с. 67]. Далее почти дословно передан сюжет из Пролога от 21 марта о сокровенном монастыре [24, л. 110 об.–111]), его дополняет свидетельство из Хронографа, а завершает цепочку рассказов упоминание о Соловецких старцах со ссылкой на 1-ю Соловецкую челобитную.

Этот факт чрезвычайно важен в рассматриваемом контексте. К.В. Чистов уже отмечал, что история старообрядческого протеста на о. Соловки органично вписывается в утопическую традицию [9, с. 293]. Здесь для нас важен не только остров как мифопоэтический топос, свойственный фольклору многих народов и генетически восходящий к представлениям об острове, куда переселяются души умерших предков, и закрепленный в литературной и в фольклорной утопии. Важно то, что очаг раннего раскола, Соловецкий монастырь, роль которого в истории старообрядчества признана и самими носителями традиции, служит для старообрядческой писательницы XX в. связующим звеном между древней традицией и сегодняшним днем. «Тѣтъ нам надежда стоить

упованїѧ ко спасенїю. О[т]цы соловецкїе 30 лѣт жили во острове, ч[е]л[ове]ка не видѧ, а ловцы по всѧ седмицы прїезжали (Челобитна о о[т]цех и страдальцех) [18, с. 68].

Рассказы об укрываемых Богом, недоступных врагам святых местах включаются в процесс формирования историософии старообрядчества, начатый еще в XVII в. и тесно связанный с эсхатологическими идеями: «до скончанїѧ вѣка иноческїй чинъ, быть емѸ предписано, какъ искре въ пепеле» [18, с. 67]. Для понимания важности рассказов о сокровенных местах в общей концепции Урало-Сибирского патерика стоит обратить внимание на сюжет из 1-го тома о матери Вере [17, с. 61–62]. Ее могила недалеко от Миасского завода была одной из самых почитаемых у уральских староверов. Причем расположена она на острове в озере Туркояк — отметим, что и здесь речь идет об острове. Семейная устная традиция Александра Григорьевича, одного из информаторов патерика, сохранила рассказ о том, как его предок Иоанн получал благословение на наставничество у матери Веры. Прежде чем дать благословение, она поведала ему «чудную повесть» о двух старцах, которых она обрела «в пустыне». Описана почти сказочная обстановка: «идушей ми по пустыни, и се узрех пень велик, и верху его исходяше мало дыма. Пред ним же трава бе попруна, под корнем бе западня» [17, с. 62]. Помолвившись, услышала голос: «Аминь». Войдя в пещерку, в которой не было даже оконца, она узрела «некий чудный» свет перед иконами, «аки клѣбъ огненный», и двух сидящих старцев. На вопрос, кто они и как сюда пришли, они отвечали: «с[вя]щеннаго чина есмы, бежавшии от никонїянъ. Н[ы]нѣ же погипе с[вя]щенство от рода сего» [17, с. 62].

После она приходила к ним и обнаружила их умершими, причем чудный свет погас, «и бысть тма». Сходив за братией, чтобы погresti старцев, матушка не смогла найти ту пещеру — она бесследно исчезла. Эта история о двух святых старцах, пострадавших «от никониян» и засвидетельствовавших прерывание истинного священства, сыграла своеобразную ритуальную роль в благословении Иоанна в наставники. Связь с идеологией часовенных, отказавшихся от института священства, здесь достаточно прозрачна. Примечательно и то, что этот идеологический компонент оформляется при помощи мотива чудесного сокрытия святых старцев, носителей истинного знания.

Таким образом, народно-утопические легенды, включенные в состав письменного памятника современной старообрядческой литературы, свидетельствуют о синкретичной функции древнерусского литературного и фольклорного наследия. Помимо эстетической значимости, степень которой обусловлена как «памятью жанра» легенд и преданий, так и талантом крестьянских писателей-старообрядцев, эти легенды несут идеологическую нагрузку, способствуя формированию историографической концепции сочинения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Negley G.* Utopian Literature. A Bibliography: With a Supplementary Listing of Works Influential in Utopian Thought. Lawrence: Regents Press of Kansas, 1978. 408 p.
2. *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 456 с.
3. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. 405 с.
4. *Шестаков В.П.* Эсхатология и утопия. Очерки русской философии и культуры. М.: Владос, 1995. 208 с.
5. *Гройс Б.* Искусство утопии. М.: Худ. журнал, 2003. 321 с.
6. *Геллер Л., Нике М.* Утопия в России. СПб.: Гиперион, 2003. 312 с.
7. *Ковтун Н.В.* Русская литературная утопия второй половины XX века. М.: Флинта, 2014. 353 с.
8. *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 342 с.
9. *Чистов К.В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 540 с.
10. *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: Наука, 1977. 336 с.
11. *Егоров Б. Ф.* Российские утопии. Исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПб, 2007. 416 с.
12. *Мальцев А.И.* Староверы-странники в XVIII–первой половине XIX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 268 с.
13. *Мальцев А.И.* Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII–начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 572 с.
14. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 599 с.
15. *Журавель О.Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII–начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.
16. *Комарович В.Л.* Китежская легенда (опыт изучения местных легенд). М.: Изд-во АН СССР, 1936. 184 с.
17. Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3 т. Кн. 1 (Т.1–2) / изд. подгот.: Н.Н. Покровский, О.Д. Журавель, Н.Д. Зольникова; отв. ред. Н.Н. Покровский. М.: Языки славянской культуры, 2014. 464 с.
18. Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3 т. Кн. 2 (Т. 3) / изд. подгот.: О.Д. Журавель, Н.Д. Зольникова; отв. ред. Н.Д. Зольникова. М.: Языки славянской культуры, 2016.
19. *Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 471 с.
20. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. 527 с.
21. *Покровский Н.Н.* «Повести чудесных событий» из Урало-Сибирского патерика XX в. // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Изд-во Д. Буланина, 1996. Т. 50. С. 568–572.
22. Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 799 с.
23. *Пришвин М.М.* У стен града невидимого (Светлое озеро) // Собр. соч.: в 8 т. М.: Худ. литература, 1982. Т. 1. С. 387–474.
24. Пролог, вторая половина (март–апрель). М., 1643.

REFERENCES

1. *Negley G.* Utopian Literature. A Bibliography: With a Supplementary Listing of Works Influential in Utopian Thought. Lawrence: Regents Press of Kansas, 1978. 408 p.

2. *Shatskiy E.* Utopia and tradition. Moscow: Progress, 1990, 456 p. (In Russ.)
3. Utopia and utopian thinking: Anthology of Foreign Literature / comp., general ed. and foreword by V.A. Chalikova. Moscow: Progress, 1991, 405 p. (In Russ.)
4. *Shestakov V.P.* Eschatology and Utopia. Essays on Russian philosophy and culture. Moscow: VLADOS, 1995, 208 p. (In Russ.)
5. *Groys B.* The Art of Utopia. Moscow: Art Magazine, 2003, 321 p. (In Russ.)
6. *Geller L., Nick M.* Utopia in Russia. SPb.: Hyperion, 2003, 312 p. (In Russ.)
7. *Kovtun N.V.* Russian literary utopia of the second half of the XX century. Moscow: Flint, 2014, 353 p. (In Russ.)
8. *Tchistov K.V.* Russian people's socio-utopian legends in the XVII to the XX centuries. Moscow: Nauka, 1967, 342 p. (In Russ.)
9. *Tchistov K.V.* Russian People's Utopia (genesis and functions of socio-utopian legends). SPb.: Dmitry Bulanin, 2003, 540 p. (In Russ.)
10. *Klibanov A.I.* People's social utopia in Russia. Feudalism period. Moscow: Nauka, 1977, 336 p. (In Russ.)
11. *Egorov B.F.* Russian utopia. Historical Guide. SPb.: Art-SPB, 2007, 416 p. (In Russ.)
12. *Maltsev A.I.* The Old Believers-wanderers in the XVIII–first half of the XIX century. Novosibirsk: Siberian chronograph, 1996, 268 p. (In Russ.)
13. *Maltsev A.I.* Old Believer without priestly consent in the XVIII – beginning of the XIX century: a problem of relationship. Novosibirsk: Publishing House «Owl», 2006, 572 p. (In Russ.)
14. *Florovsky G.* The Ways of Russian Theology. Vilnius, 1991, 599 p. (In Russ.)
15. *Zhuravel O.D.* Literary creativity of the Old Believers in the XVIII to beginning of the XX century: themes, problems, poetics. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2012, 442 p. (In Russ.)
16. *Komarovich V.L.* The Kitezh legend (The experience of studying local legends). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1936, 184 p. (In Russ.)
17. Ural-Siberian Patericon: texts and comments: in three vol. Book 1 (Vol. 1–2). Edition prepared by N.N. Pokrovsky, O.D. Zhuravel, N.D. Zolnikova. Ed. N.N. Pokrovsky. M.: Slavic Culture Languages, 2014, 464 p. (In Russ.)
18. Ural-Siberian patericon: texts and comments: In three volumes. Book 2 (Vol. 3). Edition Prepared by O.D. Zhuravel, N.D. Zolnikova. Ed. N.D. Zolnikova. Moscow: Slavic Culture Languages, 2016. (In Russ.)
19. *Pokrovsky N.N., Zolnikova N.D.* Old Believers «Chasovennyye» in the East of Russia in the XVIII to the XX centuries. Problems of creativity and social consciousness. Moscow: Pamytniki istoricheskoy mysli, 2002, 471 p. (In Russ.)
20. Library of the Old Russian Literature. SPb.: Science, 1997, vol. 5: XIII Century. 527 p. (In Russ.)
21. *Pokrovsky N.N.* «The Tale of the wonderful events» from the Ural-Siberian Patericon of the XX century. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*. SPb.: Izd-vo D. Bulanina, 1996, vol. 50. pp. 568–572. (In Russ.)
22. Spiritual literature of the Old Believers of eastern Russia in the XVIII to the XX centuries. Ed. N.N. Pokrovsky. Novosibirsk: Siberian chronograph, 1999, 799 p. (In Russ.)
23. *Prishvin M.M.* Near the walls of the Invisible City (Light Lake). *Sobr. soch.: in 8 vol.* Moscow: Literature, 1982. Vol. 1, pp. 387–474. (In Russ.)
24. Prologue, the second half (March-April). Moscow, 1643. (In Russ.)

Статья принята редакцией 06.06.2016